

МЕНТАЛИТЕТ КИТАЙЦЕВ И РЕФОРМЫ ДЭН СЯОПИНА

С.А. ПРОСЕКОВ

В Москве в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации (10 –11 декабря 2014 г.) в рамках III Международной научно-практической конференции «Великие экономисты и великие реформы» обсуждалась тема «Успехи и проблемы модернизации современного Китая». Конференция была посвящена 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина.

В работе конференции приняли участие преподаватели и руководители научных подразделений ведущих вузов России, известные российские и зарубежные экономисты и историки, а также специалисты-практики.

Обсуждался широкий спектр проблем Китая в области экономики, внешней и внутренней политики, философии, истории и образования.

Обзор конференции будет опубликован в одном из номеров ФН.

В 2014 г. исполнилось 110 лет со дня рождения (22 августа 1904 г.) выдающегося политического деятеля КНР Дэн Сяопина – инициатора китайских реформ, позволивших добиться за последние десятилетия качественного прорыва в экономическом и социальном развитии страны, существенно укрепить ее позиции в мире.

Политика реформ и открытости, проводимая Китаем в течение последних 35 лет позволила ему наиболее глубоко и всесторонне адаптироваться к вызовам глобализации мировой экономики, к запросам мировых рынков и глубинным тенденциям развития человеческой цивилизации, успешно нейтрализовать возникающие вызовы и угрозы. Об этом свидетельствуют выдающиеся успехи Китая в различных сферах и прежде всего в области экономики и в международных делах.

На всем протяжении строительства «социализма с китайской спецификой» страна лидирует в обеспечении самых высоких темпов роста ВВП (в среднем около 10% в год за последние 35 лет), внешней торговли и золотовалютных запасов, что позволило ей стать второй экономикой мира, обеспечив статус сверхдержавы.

Чтобы объяснить причины этих экономических успехов необходимо вернуться к 1978 г., когда страна по-существу находилась в руинах после экспериментов с народными коммунарами, «большого скачка» и культурной революции. К этому времени более 300 млн человек жили за чертой абсолютной бедности.

В свои 74 года Дэн Сяопин решился на очень рискованный, но продуманный эксперимент: перевести страну на рельсы рыночной

экономики. Для этого ему был необходим новый идеологический инструмент, который позволил бы разговаривать с народом на понятном и близком ему языке, и он решил реанимировать конфуцианство. При Мао Цзэдуне Конфуций считался «крысой, перебегающей улицу», которую надо было добить. Дэн Сяопин превратил эту «крысу» в идеологический «ключик», которым открывались сердца простых китайцев. Не отрекаясь от марксизма, китайский лидер перевел страну на конфуцианские рельсы, обратившись к исторической памяти народа, так как понимал, что конфуцианство на протяжении многих сотен лет способствовало формированию менталитета китайца.

Как справедливо отмечает А.В. Аллаберт, универсальность конфуцианства обусловлена тем, что оно базируется на фундаментальных ценностях китайской цивилизации. Конфуцианство всегда выступало как инструмент укрепления центральной власти. В рамках конфуцианской культуры были разработаны совершенные социальные технологии, с помощью которых бюрократия осуществляла контроль над обществом, сглаживая социальные конфликты и противоречия¹.

Гениальная интуиция Дэна оказалась созвучной идеям К. Юнга, который в результате исследования психики человека пришел к выводу о том, что в структуре духовного мира человека кроме личностного бессознательного существует более глубокий пласт психики — коллективное бессознательное, обладающее всеобщей сверхличной природой. В коллективном бессознательном сконцентрирована память человечества, хранятся мысли и чувства, общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего эмоционального прошлого. Юнг рассматривает коллективное бессознательное как базовую структуру человеческой психики, как своеобразную кладовую обще-человеческой мудрости.

В отличие от личного бессознательного, составляющего как бы верхний слой бессознательного, в котором отражается индивидуальный опыт человека (то, что Фрейд называет «вытесненным»), в коллективном бессознательном отражается опыт предшествующих поколений, всего человеческого рода, поэтому оно надличностно, внеличностно, сверхличностно. Юнг писал: «Коллективное бессознательное как наследие предков... является не индивидуальным, а общим для всех людей... и представляет собой истинную основу индивидуальной психики»².

Содержание коллективного бессознательного, которое складывается благодаря наследственности и одинаково для всего человечества, составляют первичные психологические образы — архетипы. Архетипы — своеобразный вариант врожденных идей Декарта, то глубинное содержание духовности, воспоминания, которые predisполагают людей воспринимать, переживать, реагировать на события определенным образом.

Исследователи творчества Юнга замечают, что в действительности, это не воспоминания или образы как таковые, а скорее именно predisposing факторы, под влиянием которых люди реализуют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие.

Ментальность как коллективно-личностное образование представляет собой устойчивые духовные ценности, глубинные аксиологические установки, навыки, автоматизмы, латентные привычки, долговременные стереотипы, рассматриваемые в определенных пространственно-временных границах и являющиеся основой поведения, образа жизни и осознанного восприятия тех или иных явлений действительности.

В своей сущности ментальность представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии.

Рассмотрение ментальных особенностей сознания той или иной социальной группы позволяет проникнуть в «скрытый» слой общественного сознания, более объективно и глубоко передающий и воспроизводящий умонастроения эпохи, вскрыть глубоко укоренившийся и скрытый за идеологией срез реальности — образов, представлений, восприятий, который в большинстве случаев остается неизменным даже при смене одной идеологии другой. Это объясняется большей, по сравнению с идеологией, устойчивостью ментальных структур.

Образцы поведения, ценностные ориентиры обычно задаются в рамках ментальности образованной части общества, а затем, отчасти упрощаясь, постепенно проникают в ментальность народа, закрепляясь в ней на долгие годы, десятилетия и даже века.

Как философский прообраз понятия «менталитет» можно рассматривать «врожденные идеи» Р. Декарта, который исходил из признания всеобщих и необходимых истин (принципов), составляющих основу познания мира, самоочевидных и потому ясных для человека.

Декарт считал, что источник истинных знаний находится не во внешнем мире, а в разуме человека. В поисках всеобщих устойчивых фундаментальных структур, обуславливающих процесс познания человеком мира, Декарт пришел к выводу, что в духовном мире каждого человека имеются врожденные идеи, которые открываются в акте интуиции. Именно они обладают безусловной истинностью, полной достоверностью и являются одинаковыми (общезначимыми) для всех людей.

Особый интерес для ученых представляет национальная ментальность. В этом случае менталитет — это многовековой опыт выжива-

ния этноса. Это не сознание, не мыслительная деятельность людей; он кроется в бессознательном, куда, в отличие от сознания, нет доступа людям. Менталитет здесь ближе к инстинкту выживания, но, в отличие от животного инстинкта, он имеет социальную природу. Менталитет этноса сохраняется веками, на него невозможно повлиять обучением, назиданиями, пропагандой.

В рамках юнговского исследования менталитета как глубинной основы духовности, ее доминантного ядра важно заметить, что совокупность архетипов возникает как обобщение и закрепление в психике опыта предшествующих поколений, который наследуется новыми поколениями.

Возникает вопрос: каким путем передаются от поколения к поколению эти латентные, архаические, неосознаваемые духовные структуры, фиксирующие опыт человеческой истории, каким образом сохраняются в духовности каждого нового поколения инварианты психических качеств и поведенческих реакций? Возможны три варианта ответа на этот вопрос.

Первый ответ связан с определением менталитета как такого содержания психики, которое кодируется в структурах мозга, закрепляется в ходе эволюционно-исторического развития человека и передается генетическим путем как биологическое наследование определенных структур мозга. Вторая линия рассуждений в поисках ответа на этот вопрос достаточно традиционна и определяет менталитет как результат социализации человека, принятие в определенном сообществе социальных норм, правил, стереотипов поведения. Третий вариант ответа на вопрос о каналах передачи менталитетного содержания духовности своеобразно сочетает биологический и социальный аспекты.

Новейшие достижения генетики во многом перекликаются с идеями К. Юнга. Известный российский биолог В. Тарантул в своей книге «Геном человека»³ пишет о науке, возникшей на пересечении генетики и психологии, которую назвали психогеномикой по аналогии с фрейдовским психоанализом. Основная задача психогеномики заключается в «охоте за генами», формирующими личность, психику и поведение человека.

Развитие генетики достигло такого высокого уровня, что известный социолог З. Бауман задался вопросом о том, что если работа по перестройке личности считается тяжелой и нудной, то почему бы не прибегнуть к безболезненной замене гена, «заменив одну из хромосом клетки на новую», чтобы «расстаться со всеми характеристиками оригинала», целиком заменив их на другие в соответствии с нашими желаниями.

На основании открытий в области психогеномики были сделаны следующие выводы.

Во-первых, относительно неизменную («перманентную») основу человеческого поведения составляет генетическая наследственность, поскольку геном изменяется лишь на протяжении тысячелетий, причем незначительно. Это распространяется на все сферы человеческой активности, в том числе и на хозяйственную. Во-вторых, генетически передаются не только общечеловеческие черты поведения, но и существенные психические различия между людьми.

Иначе говоря, чтобы понять поведение людей в любой сфере деятельности, в том числе и в хозяйственной, надо исходить прежде всего из реальной генетической основы их психики. Врожденные, генетически наследуемые черты психики есть продукт естественного отбора в течение 5 – 6 млн лет истории предков современного человека.

Начиная социально-экономические реформы в стране, Дэн Сяопин интуитивно понимал и чувствовал особенности менталитета своего народа, что помогало ему находить оптимальные пути в процессе реализации этих реформ.

Современная история убедительно демонстрирует огромную роль духовного начала в развитии человечества. Именно духовный фактор стал главным, системообразующим в структуре китайской цивилизации на всем протяжении ее развития. Неслучайно, что интерес к проблемам китайской традиции сфокусировался на китайской классической философии как «зеркале китайской цивилизации».

В Китае с момента появления цивилизации как совокупного духовного опыта общества философия становится ключевым нормативным компонентом мыслительной и материальной деятельности человека и его отношений с государством, социальными институтами, семьей и т.п.

По инициативе Дэн Сяопина развернулась идеологическая кампания по изучению философии. В центре ее стояли установки «освободить сознание», «следовать реалистическому подходу», «практика — критерий истины», «неважно какого цвета кошка, главное чтобы она ловила мышей», «переходя реку — нащупывай камни».

Тезис об «освобождении сознания» означал коренную переоценку представлений о социализме, выдвинутых классическим марксизмом. Изменяется представление о руководящей социальной силе социально-экономических преобразований. Теперь это не пролетариат, а рабочий класс, включающий в себя интеллигенцию.

В реформы Дэн Сяопина хорошо вписались конфуцианские «восемь почитаемых и восемь презираемых» черт человека. К «почитаемым чертам» относятся: любовь к Родине, служение народу, трудолюбие, стремление к науке, взаимопомощь, честность, настойчивость, соблюдение закона. К «презираемым чертам» относятся: нанесение ущерба Родине, измена народу, невежество, лень, эгоизм, нечестность, жизнь в свое удовольствие, нарушение законов.

Конфуций верил в едва ли не безграничные возможности человека и, отталкиваясь от этой веры, всегда стремился способствовать распространению знаний. Он считал, что при стремлении людей к образованию недопустимо проводить какую-либо дифференциацию. Провозгласив принцип равных возможностей в образовании, Конфуций теоретически открыл доступ к чиновничьим постам любому китайцу. Этот принцип сыграл революционную роль в системе государственного устройства Китая.

Рассуждая о поведении ученого человека, Конфуций перечисляет 17 характерных проявлений, свойственных такому человеку. Среди них: процесс самостановления ученого, внешний облик, коммуникабельность, его верность принципам даже перед лицом смерти, широта души ученого, умение поддерживать талантливых, независимость, почтительность и т.д. Обладание ученой степенью было престижно, давало много преимуществ и ускоряло служебное продвижение в Китае на протяжении многих веков.

Обладая огромным опытом, Дэн Сяопин прекрасно знал исторические и культурные традиции своего народа, особенности его мышления, менталитета.

Китайский менталитет трудно понять, не учитывая языковых традиций, которые играют в его формировании огромную роль. Некоторые лингвисты считают, что любой язык вообще определяет менталитет людей, говорящих на нем, так как структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Будучи рассмотрен с этой позиции, язык отражает различия, имеющие практическое значение в жизни той или иной общности людей.

Китайское мировоззрение и способы мышления на протяжении длительного времени не деформировались и не видоизменялись под идеологическим воздействием извне, сохраняя неизменными основные понятия и представления китайской культуры на протяжении многих веков.

С одной стороны, китаец очень рационален и практичен, с другой стороны — обладает, как писал в своих работах кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, «чувственным мышлением».

В своем интереснейшем исследовании «Чет-нечет» великий режиссер и специалист по Китаю С. Эйзенштейн отмечает: «В отличие от языков европейских, стремящихся к тому, чтобы приблизить язык к абсолютной точности и определенности выражения мысли, — вопрос точности и определенности для китайца не играет никакой роли: ему важнее передать общее комплексное ощущение, сопутствующее определенным словам и звукосочетаниям, нежели отчеканить мысль, которую он берется высказать!..»

Возвращаясь к китайской науке, мы можем сказать, что в ней научные системы построены не по принципам отвлеченного мышле-

ния, а по нормам мышления чувственного»⁴. Науки Китая, считал С. Эйзенштейн, построены не по типу научных систем, а по образу и подобию художественных произведений.

С этим утверждением согласен Н.А. Спешнев, который полагает, что в Китае не было развитой системной науки. Это произошло потому, что китайцы с древних времен избрали путь эмоций и отказались от того, чтобы развиваться в сторону рационального познания, что привело к важной черте китайского характера – чрезвычайной чувствительности. «Продукты китайской культуры оказывают прямое воздействие на душу китайца почти на уровне чувственности, на уровне чувственного познания»⁵.

Размышляя о природе дальневосточных языков С. Эйзенштейн приводит слова востоковеда Ф. Диккинса, который писал: «В японском языке, древнем и новом, подобно китайскому, нет никаких видоизменений слов, ни родов, ни даже ударений. Отсюда подобие точности западных языков совершенно невозможно. Лингвистически невозможно перевести ни единого предложения западной речи на дальневосточную, и наоборот... Парализуя точность и ограничивая определенность обозначений, этот язык обладает исключительной способностью вовлекать слушателя в эмоциональные состояния, в чем и заключается душа японского стихосложения и основное обаяние поэзии древней Японии» и т.д.

Французский исследователь М. Гранэ продолжил эту мысль: «Китайский язык кажется созданным не для того, чтобы закреплять понятия, анализировать идеи, наглядно излагать доктрины. Он целиком направлен на то, чтобы приобщить к эмоциональным состояниям, чтобы внушать поступки, чтобы покорять, обращаться».

С. Эйзенштейн комментирует эти высказывания так: «Как видим, полное совпадение с тем, что делает китаец в математике, где реальное количественное представление не играет роли в его спекулятивной философии».

Но это же отчетливо совпадает в то же время как раз с тем, что делает искусство!

Поэтому-то так и интересны данные китайского мышления, науки и эстетики в применении к разбору принципов и методов искусства».

Многие ученые отмечают недостаточное развитие у китайцев абстрактного мышления, а потому они больше приспособлены к прямому восприятию (главным образом зрительному) и стремятся в своих рассуждениях больше опираться на отдельные примеры и факты.

«Все мышление китайца покоится на предпосылке, коренным образом отличной от нашей, и китаец никак не может понять манию европейца во всем добиваться абсолютной точности»⁶, – писал английский ученый Артур Смит.

Можно сказать, что логические и рационалистические элементы в китайском мышлении уравновешивались интуитивными и чувственными моментами, поэтому стереотипы конфуцианства имели огромное воздействие на умы миллионов китайцев. Это учение играло огромную роль в формировании всего китайского образа жизни начиная от социальных институтов и кончая семейными отношениями.

Думать по-китайски — это значит: думать метафорами, типовыми ситуациями, которые находятся в сознании в форме пословиц, поговорок, устойчивых словообразований и в большинстве своем восходят к историческому опыту. Менталитет обычного китайца проявляется в том, что он нетороплив в суждениях, выводах, старается контролировать свое мышление и не искать прямых путей, в нем сильно развито чувство долга.

По мнению китаевода А. Кобзева, «никакой экономический рост в такой огромной, разнообразной и сложной стране, сопоставимой с целым континентом и обремененной великим множеством проблем, накопившихся за полтора века непрерывных и сокрушительных катастроф, не был бы возможен без действия особых сил, далеко выходящих за пределы экономики. Речь идет о колоссальном культурно-историческом потенциале Китая, аналогом которого не располагает ни одна страна в современном мире. Этот беспрецедентный по длительности накопления и разнообразию форм духовный опыт способен становиться производительной силой и превращаться в социальную материю»⁷. Более того, А. Кобзев делает смелый вывод о том, что «современный постхристианский Запад, отказавшись от аскетического идеализма платоников и Отцов Церкви, переориентировавшись с потусторонних ценностей на посюсторонние, автоматически стал на путь китаизации, поскольку суть китайского мировоззрения составляет натуралистический взгляд на реальность, прагматизм и приоритет натуральных ценностей»⁸. Он также полагает, что китайская «Книга перемен» является предшественницей двоичного кода всех компьютерных программ, поэтому иероглифика претендует на роль языка международного общения в Интернете, а синология становится универсальной наукой о прошлом и будущем человечества, о диалоге цивилизаций и судьбе России.

В современном Китае существует мощное влияние западного мировоззрения и технологий. Но при этом, благодаря особенностям китайского менталитета, западное мировоззрение и технологии, сталкиваясь с традиционными китайскими, не вытесняют последние, а образуют в массовом сознании симбиотический конгломерат. При этом классическое китайское мировоззрение сохраняется, так как китайцы, пропуская через себя западное знание, берут из него только то, что соответствует их духу и пониманию. Все это характерно для психологии обычного китайца, чья мировоззренческая основа

формируется и существует посредством структуры языка, через представления о ценностях, через метафорический строй и поговорки. Не случайно китайский мыслитель Чжан Чжидун любил повторять: «Китайские знания – сущность, западные знания – инструмент».

Размышляя о роли культурных традиций в процессе проведения социально-экономических реформ, бывший президент Тайваня Ли Дэнхуэй как-то заметил: «Связь между развитием страны и культурой можно выразить в виде функции $f(x)$, где x означает культуру. Культурные различия определяют неодинаковую направленность, а также результаты политического и экономического развития»⁹.

Дэн Сяопин в 20-е гг. XX в. посетил Советскую Россию и мог наблюдать успешную реализацию НЭПа, который спас экономику страны в период жестокого кризиса. Вероятно, идея НЭПа произвела огромное впечатление на китайского лидера и помогла ему решиться на проведение радикальных реформ, которые во многом напоминают НЭП.

Исследуя особенности стратегии реформ, можно выделить 12 основных принципов социально-экономических преобразований Китая.

1. Начальный этап реформирования Китая – преобразования в экономической сфере, а не в политической. Руководство страны считало, что для проведения демократических реформ должны созреть определенные экономические условия. Это решение соответствовало конфуцианскому учению о том, что прежде чем народ наставлять в чем-то или чему-то учить, надо его сначала «одеть и накормить».

2. Отказ от централизованного планирования. Внедрение рыночных отношений при государственном регулировании экономики.

3. Развитие современного китайского общества возможно было только при сильной централизованной власти, которая могла обеспечить переход от нерыночной экономики к рыночной без катаклизмов и потрясений, обеспечить немедленное исполнение принятых решений, эффективно бороться с коррупцией и экономическими преступлениями. Дэн Сяопин считал это преимуществом социалистической системы, которая позволяла быстро принимать решения и жестко контролировать весь ход реформ.

4. Реформы проводились постепенно, эволюционно, исключая шоковую терапию, которая, по мнению Дэн Сяопина, могла привести к разрушению государства и гражданской войне.

5. Исключительное значение придавалось фактору стабильности, который был необходимым условием для привлечения иностранного капитала. Развитие экономики было возможным только при обеспечении стабильности в стране, а стабильность могла сохраняться только при условии развития страны («пока река течет, она не выходит из берегов»).

6. Обеспечение открытости Китая. Это сделало возможным вложение иностранных инвестиций и создание совместных предприятий.

7. Вносятся поправки в Конституцию КНР, провозглашается неприкосновенность частной собственности граждан. Оформляются политико-правовые основы развития частного капитала любого масштаба. Преобразования форм собственности включили в себя отказ от государственной собственности в сельском хозяйстве, введение различных форм собственности в промышленности, создание совместных предприятий и свободных экономических зон с льготным режимом для зарубежных инвестиций.

В процессе реформы руководство страны разрешило создавать предприятия различных форм собственности для формирования конкурентной экономической среды.

8. Приватизация началась не сразу. На первом этапе создавались мелкие и средние частные предприятия. Только через 20 лет государство выделило для продажи 100 крупных нерентабельных заводов и фабрик. Вторым этапом стала массовая продажа нерентабельных предприятий под контролем государства.

9. Постоянно осуществлялся жесткий контроль за финансовой деятельностью предприятий и организаций с тем, чтобы минимизировать злоупотребления в финансовой сфере и не допустить вывоза капитала за границу. Не случайно первый частный банк в Китае появился лишь в 1995 г., через 17 лет после начала реформ.

10. Экстенсивная модель экономического роста включала в себя массовое использование очень дешевого рабочего труда и дешевых естественных ресурсов для максимального наращивания экспорта.

11. Большое теоретическое и практическое значение приобрели положения Цзян Цзэминя о критериях оценки экономических преобразований: реформа должна нести улучшение жизни большинству населения Китая; цена реформ должна быть приемлемой и посильной для большинства населения страны.

12. Проводя реформы, Дэн Сяопин сделал акцент на национальных чувствах китайцев и, прежде всего, на чувстве их национального достоинства. Соблюдалась абсолютная приоритетность безопасности страны, национальных и государственных интересов.

На XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) произошла канонизация и возведение в ранг теории идей Дэн Сяопина о «строительстве социализма с китайской спецификой».

К основным элементам этой теории относятся:

- четыре основных принципа: социалистический путь, демократическая диктатура народа, руководство Компартии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна;
- концепция о путях, этапах и целях модернизации. Для построения социализма и модернизации необходимо сделать «три шага» —

удвоить в 1981 – 1990 гг. национальный доход на душу и обеспечить население питанием и одеждой; к концу XX в. увеличить эти показатели еще вдвое и поднять уровень жизни народа до средней зажиточности; к середине XXI в. достичь среднедушевого уровня ВВП среднеразвитых государств мира и тем самым осуществить в целом модернизацию;

- центральное значение придается «опоре на собственные силы», и прежде всего развитию образования, науки и техники, а также воспитательной работе среди молодежи;
- методом реализации реформы является «действие обеими руками»: одной рукой браться за реформу и открытость, другой – пресекать хозяйственные преступления.

Положение об основополагающем значении теории Дэн Сяопина для деятельности КПК было внесено в Устав компартии.

Возникла подлинная общенациональная мобилизующая идея: возродить Великое китайское государство с процветающей экономикой и высоким уровнем благосостояния народа, гуманное и справедливое. Впоследствии она конкретизировалась в программе «четырёх модернизаций» – промышленности; сельского хозяйства; национальной обороны; образования, науки и техники.

На ранних стадиях экономического роста основное усилие государства было направлено на создание, в соответствии с конфуцианством, необходимого уровня «тепла и сытости», т.е. на удовлетворение минимальных потребностей населения. К концу XX в. страна успешно справилась с задачей «накормить и обогреть» народ и обеспечила повышение его жизненного уровня.

Модель социально-экономического развития Китая была названа «социализмом с китайской спецификой». В научную литературу прочно вошел термин «китайское экономическое чудо», под которым подразумевают успешную реализацию китайским руководством, начиная с 1978 г., стратегии реформ и открытости.

Мировая экономика знала внешне схожие явления, связанные с «японским экономическим чудом», с развитием новых индустриальных стран – Сингапура, Южной Кореи, Гонконга и Тайваня¹⁰.

Реформы в этих странах преследовали цель не расширить политическую демократию, а сконцентрировать власть в твердых руках. «Железная рука» наверху, в политической надстройке, и полный либерализм внизу, в базисе, – такой дуализм и явился тем средством, которое не только оздоровило экономику этих стран, но и обеспечило им возможность встать вровень с высокоразвитыми странами мира.

Основной успех китайской реформы, так же как и реформ Японии и четырех «азиатских драконов» – Сингапура, Республики Корея, Тайваня и Гонконга – стал отказ от стратегии догоняющего развития

и переход к стратегии сравнительных преимуществ, например, занять избыточную дешевую рабочую силу в трудоемких отраслях¹.

Теория Дэн Сяопина перекликается с идеями конвергенции американского экономиста Дж. Гэлбрейта, которые тот выдвинул еще в 50-е гг. Демолитизированные подходы китайских теоретиков к взаимоотношениям между капитализмом и социализмом, их идеи о необходимости компенсировать пороки рынка и его стихии сильной социальной политикой государства, курс КПК на твердую поддержку мелкого бизнеса и стимулирование его развития со стороны государства – все они по ряду аспектов перекликаются с идеями конвергенции Дж. Гэлбрейта, который призывал преодолевать недостатки рыночной системы путем дополнения ее определенными элементами планирующей системы и активной ролью государства.

Рассуждая о строительстве «социализма с китайской спецификой», Дэн Сяопин говорил, что до 2000 г. Китай должен закончить начальный этап строительства социализма и сравнивал этот этап с построением общества Малого благоденствия (Сяокан), считая, что это общество является промежуточным в процессе строительства общества Великого единения (Датун). Идею строительства Сяокан и Датун он взял из теоретического наследия Конфуция, условно сравнивая эти понятия с построением социализма и коммунизма.

Лучшим экзаменатором качества китайских реформ явился финансово-экономический кризис 2008 – 2009 гг., из которого КНР вышла раньше всех и с наименьшими потерями.

Несмотря на все сложности и проблемы, которые встают перед Китаем, страна уверенно, быстро и эффективно продолжает развивать свою экономику на инновационной основе. Главным условием успеха предпринятых в КНР реформ явилась сама цель. Она понятна и близка всем слоям населения страны и взывает к глубинным патриотическим чувствам китайцев – поднять страну, возродить величие Китая, сделать жизнь народа зажиточной. Важнейшим фактором, обеспечивающим успех экономических реформ в Китае, является их последовательная социальная ориентированность. Не в равной мере, но благотворность реформ ощущает большинство граждан Поднебесной, что делает их активными сторонниками преобразований в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI века) / отв. ред. Л.С. Переломов. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. С. 7.

² Юнг К. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – С. 105.

³ Тарантул В.З. Геном человека: энциклопедия, написанная четырьмя буквами. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

⁴ Эйзенштейн С.М. Чет-нечет // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации / под ред. Л.Б. Алаева, М.Л. Гаспарова, А.Б. Куделина, Е.М. Мелетинского. – М.: Наука, 1988. С. 240.

⁵ Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. – СПб.: КАРО, 2014. С. 107.

⁶ Эйзенштейн С.М. Чет-нечет. С. 240 – 241.

⁷ Полубота А. Великий китайский путь // Литературная газета. 2011. № 34 (6335).

⁸ Там же.

⁹ Переломов Л.С. Конфуций: Жизнь, учение, судьба. – М.: Наука; Восточная литература, 1993. С. 408.

¹⁰ Китай: поиск гармонии. К 75-летию М.Л. Титаренко. – М.: Форум, 2009. С. 10.

¹¹ Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. С. 25.

REFERENCES

Allbert A.V. *Mesto konfutsianstva v modernizatsii Kitaya (konets XX – nachalo XXI veka)* [Place of Confucianism in China's modernization (end of XX – the beginning of XXI century)]. L.S. Perelomov (Ed.). Moscow, Institut Dalnego Vostoka RAN [Institute of the Far East RAS], 2008. 227 p. (in Russ).

Eizenshtein S.M. Chet-nechet [Even-odd]. *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Pervody. Publikatsii* [East – West. Research. Translations. publishing]. L.B. Alaev, M.L. Gasparov, A.B. Kudelin, E.M. Meletinsky (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, pp. 234 – 278 (in Russ).

Kitaj: *poisk harmonii. K 75-letiyu M.L. Titarenko* [China: the search for harmony. On the 75th anniversary of M.L. Titarenko]. Moscow, Forum, 2009. 656 p. (in Russ).

Ostrovsky A.V. *Kitajskaya model perehoda k rynochnoj ekonomike* [The Chinese model of transition to market economy]. Moscow, Institut Dalnego Vostoka RAN [Institute of the Far East RAS], 2007 (in Russ).

Perelomov L.S. *Konfutsij: Zhizn, uchenie, sudba* [Confucius: Life, teaching, fate]. Moscow, Nauka; Vostochnaya literature [Eastern Literature], 1993. 440 p. (in Russ).

Polubota A. Velikiy kitajskiy put [Great Chinese way]. *Literaturnaya gazeta [Literary Gazette]*. 2011. No 34 (6335) (in Russ).

Speshnev N.A. *Kitaitsy: o sobennosti natsionalnoi psihologii* [Chinese: features of national psychology]. – Saint Petersburg, KARO, 2014 (in Russ).

Tarantul V.Z. *Genom cheloveka: entsiklopediya, napisannaya chetyremya bukvami* [The Human Genome: encyclopedia written with four letters]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury [Languages of Slavic culture], 2003. 394 p. (in Russ).

Yung K. *Psihologiya bessoznatelnogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow, Canon, 1994 (in Russ).

Аннотация

В статье анализируются достижения, которые имели место в Китае за последние 35 лет с момента начала грандиозных реформ. Показаны принципиальные особенности модернизации страны, которая проводилась с учетом менталитета китайского народа.

Ключевые слова: архетипы, духовность, идеология, конфуцианство, менталитет, модернизация.

Summary

The article analysis the achievements of China over the past 35 years since the beginning of the ambitious reform. The article presents principal features of the country's modernisation, which was carried out in accordance with the mentality of the Chinese people.

Keywords: archetypes, harmony, ideology, Confucianism, mentality, modernisation.